

КОЛОМЯЖСКИЕ ВЕСТИ

№ 1 (131) ЯНВАРЬ 2019 г.

ГАЗЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ КОЛОМЯГИ WWW.MOKOLOMYAGI.RU <http://vk.com/mokolomjagi> 6+

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОД НОВЫЙ ГОД

29 декабря прошли ежегодные уличные гулянья на улице Афонская, дом 16 и на Шуваловском проспекте, дом 41. Традиционно муниципалитет подготовил культурно-развлекательную программу. Все желающие проводили уходящий год с песнями, плясками, хороводами и конкурсами

Сегодня невозможно представить новогодний Санкт-Петербург без веселых представлений, музыки и нарядных ёлок на площадях. В предпраздничные дни происходит столько чудес, сколько не случается за весь год. Так яркий праздник в нашем районе провел ведущий в компании Микки Мауса, попуга, эльфа и приглашённых гостей.

После согревающих танцев и хороводов удивить зрителей решили магами и волшебниками. Два артиста поражали детей фокусами. Самыми цепляющими оказались трюки с животными: летающий петух и превращение крысы в кролика. На протяжении двух часов рядом с гостями проходило шоу ходулистов. «Птицы с жаркого юга» развлекали присутствующих и фотографировались с ними.

Также для гостей выступили артисты цирка. В этот раз укротитель животных привел в восторг детей. Он показал им дрессированного летающего петуха, обученную собаку и, конечно же, символ 2019 года – поросенка. Ещё одним незабываемым зрелищем стало выступление богатыря-силача – профессионала гиревого спорта. Он продемонстрировал несколько видов силового экстрима. Это невероятное

зрелище заставило всех на несколько минут затаить дыхание.

С поздравлениями и пожеланиями выступила группа «Питер Тайм». Вдохновлённые нашим прекрасным городом, они исполнили несколько песен: «Песенка о медведях», «Новогодние игрушки», «Синий иней» и «Танцуем диско до утра».

Сразу после вокально-танцевального шоу появилась Снегурочка. Она исполнила песню «Новый Год – елки

шарики хлопушки». Затем через сугробы пробрался Дед Мороз. Они вместе традиционно поздравили гостей, организовав хороводы, танцы и веселые конкурсы с приятными подарками.

Выступление артистов, развлекательная программа для детей и родителей, встреча Деда Мороза и хороводы пришлись по душе абсолютно всем. А приятная зимняя погода помогла создать атмосферу праздника. Декабрьский мороз, солнце и небольшой снег подарили присутствующим новогоднее настроение.

Мария Белобородко,
ученица 11-го класса

27 января – День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады

УВАЖАЕМЫЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ-ПЕТЕРБУРЖЦЫ!

ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ, БЛОКАДНИКИ!

75 лет назад Ленинград был полностью освобожден от фашистской блокады. Этот священный для всех нас день стал вторым днем рождения нашего города. Ленинградским Днем Победы.

900 дней боли и страдания, мужества и самоотверженности – такой была битва за Ленинград. В нашем городе нет ни одной семьи, которую не опалила бы война, которая не потеряла бы родных и близких в блокаду. Имена всех, кто отдал свои жизни во имя будущих поколений, останутся навеки в наших сердцах.

Вечная слава героическим защитникам Ленинграда!

Мы безмерно благодарны вам, дорогие ветераны и блокадники, за то, что вы спасли наш прекрасный город, подарили нам счастье жить и трудиться, воспитывать детей и внуков.

Желаю ветеранам и всем петербуржцам здоровья и благополучия, счастья и радости, мира и добра.

С праздником! С 75-летием полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады!

Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, Секретарь Санкт-Петербургского регионального отделения партии «Единая Россия» В. С. Макаров

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

■ **13 декабря** исполнилось 96 лет ветерану Великой Отечественной войны, гвардии полковнику в отставке Николаю Сергеевичу Мясоедову. Поздравили ветерана заместитель Главы МО Коломьяги Владимир Иванович Когут, председатель Совета ветеранов Тамара Алексеевна Галашова и сотрудник местной администрации Марина Борисовна Сурикова.

■ **17 декабря** в Доме-интернате для престарелых и инвалидов № 1 состоялся новогодний концерт, организатором которого выступил депутат Муниципального Совета Игорь Владимирович Колесников. Поздравил присутствующих Глава МО Коломьяги Сергей Эдуардович Борисенко.

■ **26 декабря** в МО Коломьяги состоялось торжественное вручение медалей «Рожденному в Коломьягах». Поздравили малышей и родителей Глава МО Коломьяги Сергей Эдуардович Борисенко и депутат Муниципального Совета Елена Юрьевна Степанова.

■ **11 января** жителю блокадного Ленинграда Марии Петровне Салыхиной исполнилось 90 лет. Поздравили юбиляра Председатель общества жителей блокадного Ленинграда Галина Павловна Осипова и председатель Общественного Совета Дмитрий Валерьевич Отсинг.

ИЗО-студия
подростково-молодежного клуба
«Чайка»

приглашает на занятия

ИЗО-студия
подростково-молодежного
клуба «Чайка»

объявляет дополнительный набор
подростков и молодежь 12–30 лет.

Занятия в студии
БЕСПЛАТНЫЕ.

В программе занятий:
работа в различных техниках
рисования, оригами.

Справки по тел. 8 (951) 679-67-27
ул. Вербная дом 12, корпус 1

В преддверии Нового года в муниципальном образовании Коломьяги состоялось награждение замечательных жителей Коломьяг. Церемонию проводили Глава МО Коломьяги Сергей Эдуардович Борисенко и депутат Муниципального Совета, главный редактор газеты «Коломьяжские вести» Елена Юрьевна Степанова. «Сегодня мы чествуем жителей Коломьяг и Юбилейного квартала, очень много сделавших для нашего округа. Этим людей рекомендовали нам депутаты Муниципального Совета, которым хорошо известно об их заслугах», – рассказал Сергей Эдуардович

Звание «Человек года» в этом году получили 30 человек, которые бескорыстно помогают муниципалитету делать округ лучше. Заведующая офисом врача общей практики поликлиники № 102 Инна Михайловна Лемешевская в этом году получила всероссийское признание, став лучшим врачом общей практики в Российской Федерации. Мариам Касимовна Кузьмина по велению души оформила мозаикой свой подъезд, сделал его чище и красивее. Елена Леонидовна Пряникова организует уборку мусора на территории округа и вместе с Сергеем Васильевичем Смирновым по собственной инициативе проводят праздники для жителей ЖК «Шуваловский». Вадим Геннадьевич Кичмарев принимает активное участие в оформлении обращений в различные инстанции для решения проблем Юбилейного квартала. Василий Федорович Богданов приобщает жителей округа к игре в шахматы в организованном им в Приморском районе шахматном клубе. Раиса Васильевна Чистякова руководит «Музыкальной гостиной» и на безвозмездной основе устраивает концерты для ветеранов и жителей района. Андрей Михайлович Жданов плодотворно занимается изучением и популяризацией истории Коломьяг и их окрестностей.

Заместитель директора по воспитательной работе школы № 617 Юлия Валентиновна Киуру помогает муниципальному образованию во многих областях, в том числе и в организации шествия «Бессмертный полк» в честь 9 мая. Офицер запаса, преподаватель-организатор ОБЖ лицея № 597 Леонид Иванович Колола воспитывает подрастающее поколение.

Также не жалеют собственных сил на благо нашего округа Дарья Федоровна Мищенко, Николай Алексеевич Белавинский, Александра Александровна Дмитрик, Екатерина Игоревна Норкина, Екатерина Сергеевна Горбунова, Таисия Федоровна Первушина, Мария Михайловна Кокоткова, Светлана Ивановна Сукачева, Зера Асановна Агакеримова, Татьяна Юрьевна Малых, Наталья Ивановна Пчелкина, Юрий Петрович Адаменко.

Во время праздничной церемонии были также подведены итоги конкурсов, организованных газетой «Коломьяжские вести». Елена Юрьевна Степанова наградила участников конкурса «Собака – друг человека», победителем которого стал поэт Анатолий Юрьевич Маланов. Он посвятил своему псу Мики несколько стихотворений. На награждение поэт пришел вместе со своим питомцем, которому вручили лакомство.

Победителем рубрики «Газета путешествует» стал Николай Григорьевич Родин, который в этом году прислал в редакцию несколько рассказов о своих путешествиях.

Коллектив газеты решил наградить и самого юного корреспондента, которым стал третьеклассник Саша Мартынов. Мальчик написал статью о своем путешествии в Финляндию и Швецию. Также за сотрудничество с «Коломьяжскими вестями» наградами отмечены ученики Алиса Антипова, Егор Бабенко, Глеб Крапунин, Азим Оруджев, Мария Белобородько.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество жителей Коломьяг с муниципальным образованием в следующем году!

Мария Легашова

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО САМБО

В 2018 году исполнилось 80 лет признания самбо как вида спорта. Это отечественное единоборство имеет большую значимость для патриотического и физического воспитания молодёжи.

20 декабря студентам 322 группы посчастливилось принять участие в учебно-методическом семинаре по самбо (самообороне без оружия).

Мероприятие подготовили и провели Крылов Владимир Дмитриевич (Глава МА МО Коломьяги, мастер спорта СССР по самбо, судья республиканской категории по рукопашному бою, член Президиума Федерации рукопашного боя работников правоохранительных органов «Динамо» Санкт-Петербурга, председатель коллегии судей Федерации рукопашного боя) и Ромашов Владимир Николаевич (председатель

местного отделения ДОСААФ РОССИИ Приморского района г. Санкт-Петербурга, председатель попечительского совета Педагогического колледжа № 4).

Владимир Дмитриевич показал студентам основные приёмы самбо. Юноши и девушки получили практический опыт самообороны, изучили приёмы работы руками, ногами, коленями, болевые приёмы, услышали много методических рекомендаций и мудрых советов.

«Главное в бою даже не мышцы и физическая подготовка человека, а работа его мозга, дух человека!» – отметил Владимир Дмитриевич.

Многие из ребят были заинтересованы предложением продолжить занятия самбо.

https://vk.com/album-77421087_258149182

МОЙ ОТЕЦ

Мой отец, Некрасов Иван Петрович, родился еще при царе, в 1911 году. Мама его, моя бабушка, служила прачкой у барина. Распаренная после стирки, выйдя вывешивать белье на мороз, она простудилась и заболела туберкулезом. В те времена еще не было эффективных лекарств от этой болезни. Проболев недолго, она умерла. Ей было всего 22 года. После нее осталось двое детей: трехлетний сын Ваня и годовалая дочь Маша. Отец осиротевших детей женился во второй раз, а детей взяли в семью бездетные дальние родственники преклонного возраста, которых впоследствии мой отец называл «бабушка» и «дедушка». Вскоре малышка Маша умерла

Учиться в школе моему отцу довелось всего «одну зиму». Дедушка был плотником, научил и папу этому мастерству. К шестнадцати годам вместе с взрослыми мужиками в составе артели он уходил на заработки из села в город на два-три месяца. Выполняли плотничные работы: рубили срубы домов, бань, крыли крыши, делали косяки, рамы, настилали из длинных толстых досок потолки и полы. Доводилось быть и столяром: делали деревянные столы с гнутыми, точеными ножками, шкафы. Мой папа из дерева мог сделать все: посудный шкаф с дверками, кровать с фигурной спинкой, входивший в моду шифоньер с выдвижными ящиками, комод. Я с детства видела и знала названия его инструментов: рубанок, фуганок, шерхебель, отвес, уровень, ножовка...

Родителям было по 18 лет, когда они поженились, и жили они у дедушки с бабушкой. Это был 1929 год. Вскоре началась в селе коллективизация. Папа с дедушкой по-прежнему уходили на работу в город, другие села, плотничали. Работали и на предприятиях «по договору». А моя мама и бабушка стали работать в колхозе. В молодой семье появились дети. В 1930 году родилась моя старшая сестра Катя, в 1932 году – сестра Маша. Жили, как все, бедно. Умер дедушка.

В 1932 году в Поволжье случился неурожай, начался голод. Родители, взяв двух дочек и бабушку, как и некоторые другие семьи из села, поехали в сытую Сибирь. Обосновались под Томском в колхозе. Приняли их радушно, колхозу нужны были искусные плотники. Семье выделили дом. Мама стала работать дояркой на ферме. Все

были довольны. Но счастье не бывает долгим. Папу призвали в армию на срочную службу. Из родного села слали письма, что жизнь налаживается. Через некоторое время мама с семьей вернулась в родные места, хотя председатель колхоза очень сильно уговаривал остаться.

В это же время папу заставили отказаться от двойной фамилии Чиров – Некрасов. Его фамилия по родному отцу была Чиров, но так

«Куда лезешь!» – выкрикнул командир и выругался матом, отправив его в строй. Командир знал, что ждет воинов на задании, знал он и о пяти дочках отца, пожалел их. Мудрый был человек! Отошел после в сторону и говорит: «Пятерых девок настругал, кто растить будет?» Все, ушедшие на задание, погибли. Папа до самой смерти вспоминал того командира.

как его растил дедушка Некрасов, то и фамилия была двойная. «Переходи на фамилию Чиров», – диктовали ему. «Как я буду Чировым, если у меня две дочери уже Некрасовы?» Согласились. С тех пор все члены семьи носили фамилию Некрасовы. Служба отца проходила в Кремле. Я думаю, это было что-то вроде Кремлевского полка. «Я стоял на часах, Сталина видел», – рассказывал позже он. Вернувшись со службы, отец так же, как и раньше, работал плотником. Одна за другой рождались дочери: в 1936 году Ольга, в 1939 году Надя, в 1941 году Вера.

С первых дней Великой Отечественной Войны папа был мобилизован в Красную Армию. Снова попал в Москву, охраняли военные объекты. Как рассказывал отец,

очень жестко соблюдалась дисциплина. Когда немец подошел к Москве, их бросили на фронт на несколько месяцев, а когда немца отогнали, полк снова отозвали в Москву. Отец был сапером и при наведении моста получил ранение в ногу. После госпиталя приезжал домой на 10 дней на побывку. Старшие мои сестры помнят, как он ходил с клюшками. Из его военных наград помню медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

В начале войны у тридцатилетнего отца было уже пятеро детей, все дочери. Ах, как хотел он сыномолодца! Но рождались только дочери. Сослуживцы подшучивали над ним: «Бракодел». Именно дочери спасли ему жизнь. Однажды на фронте, выстроив солдат, командир объявил: «Надо выполнить боевое задание, добровольцы, вперед!» вместе с другими воинами шагнул и мой отец. «Куда лезешь!» – выкрикнул командир и выругался матом, отправив его в строй. Командир знал, что ждет воинов на задании, знал он и о пяти дочках отца, пожалел их. Мудрый был человек! Отошел после в сторону и говорит: «Пятерых девок настругал, кто растить будет?» Все, ушедшие на задание, погибли. Папа до самой смерти вспоминал того командира.

После окончания войны в мае 1945 его полк отправили на Украину. Из его рассказов я запомнила, что они занимались разминированием. Врезался в память рассказ о подлости фашистов. На заминированный объект были сброшены фотографии голых женщин. Солдаты были молодые, такого в нашей стране не встречалось. Один солдатик попробовал собрать эти фото и подорвался. Демобилизовали отца лишь в 1946 году. Семья переехала из села в пригородный совхоз, отец перевез и поставил дом. Рядом был город. В 1948 году родилась шестая девочка, «поскребыш». Это была я.

Родители хотели, чтобы все дети получили образование. Все мы, глядя друг на друга, может быть, даже соревнуясь, учились очень хорошо и отлично. «Спросите у родителей Некрасовых», – говорил директор школы, – «Как они воспитывают своих дочерей, все учатся хорошо и отлично». Так с гордостью рассказывала мама после родительского собрания. Как малограмотные родители

привили нам тягу к знаниям, желание учиться? Все мы окончили институты, техникумы, работы, получали поощрения и награды, растили детей и внуков.

Отец вышел на пенсию в 60 лет. Отставать гордостью не позволяла, работать наравне с молодыми, из которых состояла бригада, уже не было сил. Выработался. Ведь сколько срубов сделано, домов поставлено! И все это вручную. А топором махать – не пером писать. До сих пор стоят дома, бараки, построенные отцом. Он дожил почти до 97 лет. В старости папа писал стихи, их печатали в районной газете. Возможно, это был дар Бога за фамилию Некрасов.

Пчелкина Наталья Ивановна

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЯНВАРСКИХ ЮБИЛЯРОВ!

Наши 102-летние юбиляры
ДАНИЛЕВИЧ Марголия Сееровна
МАСЛОВА Аполинария Сергеевна

Наш 100-летний юбиляр
ГАЛИНДО Елена Федоровна

Наши 90-летние юбиляры
АРБЕКОВА Валентина Николаевна
САЛЫКИНА Мария Петровна

Наши 85-летние юбиляры
ВОРОНОВА Галина Николаевна
ЖЕЛЕЗОВА Зинаида Григорьевна
ПОТЕМИНСКАЯ Людмила Васильевна
ТИХОМИРОВА Ирина Павловна

Наши 80-летние юбиляры
КОЛОСОВА Антонина Дмитриевна
МАКАРЧУК Иван Яковлевич
РАЗГОВОРОВА Евгения Григорьевна
ХОЛОДЯКОВА Лидия Константиновна
ШВЕЦОВ Игорь Николаевич

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЧКА

***

Опять – обстрел. Опять – подвал.
Опять сирена «забасила»
И снова маму страх сковал,
А у меня ещё есть сила.

Слеза у мамы – на носу,
Всё громче, громче канонада.
Я руку мамину трясю:
«Не плачь, родимая, не надо».

Дрожит от взрывов крепкий дом.
Вода со стен стекает в лужу...
Ещё потерпим, а потом
Мы все поднимемся наружу

И разойдёмся, кто куда.
Всем по делам куда-то надо...
У нас, у всех одна беда -
Война и холод, и Блокада.

У мамы тоже – свой маршрут:
Через вокзал и мимо школы.
Нас очень в госпитале ждут,
Где мама делает уколы,

И кормит раненых солдат,
И убирает всю палату,
А я один хожу на склад
И приношу бинты и вату,

А днём я воду кипячу
И набиваю папиросы,
И часто главному врачу
Я задаю свои вопросы.

Он знает всё про Древний Рим,
Был до войны на Эвересте...
Мы с ним о многом говорим.
Его семья погибла в Бресте...

Он оперирует бойцов.
Он возвращает людям силы.
«Он чьих-то братьев и отцов
Буквально «вынул из могилы», –

О нём так мама говорит
И медсестричка молодая.
Он не старик ещё на вид,
Но голова уже седая.

Мы с мамой очень устаём,
Как-будто мы свернули горы.
Когда домой идём вдвоём,
У нас нет сил на разговоры.

Ну вот, ещё один виток
Мы одолели как-то вяло.
Мы пьём на ужин кипяток,
Накинув сверху одеяло.

Мне хорошо. Я спать хочу.
На стенке – трещины, как шрамы.
Смотрю на жёлтую свечу
И слышу тихий шёпот мамы...

04.02.2016 г.

Анатолий Маланов

БЛОКАДА СКВОЗЬ ПОКОЛЕНИЯ

е-ц Канев А.В.	сержант	Крекнин Н.В.	кр-ец	Маслов П.Е.
ант Карасёв Н.И.	кр-ец	Крюковский П.М.	кр-ец	Медведев С.С.
ант Карахаенко П.Ф.	кр-ец	Курицын А.Ф.	гв.ефр-р	Мелехин А.М.
е-ц Карпов В.И.	сержант	Лаврентьев И.Л.	кр-ец	Меркушин А.Е.
е-ц Карташев В.Я.	ефрейтор	Степанов И.Е.	кр-ец	Минаев И.А.
е-ц Катаев А.И.	гв.кр-ец	Сидоренко Б.С.	кр-ец	Минин О.П.
ант Катаев П.П.	кр-ец	Сидоренко А.В.	кр-ец	Минин П.А.
е-ц Квиткин М.Д.	мл.сержант	Тямин М.П.	кр-ец	Моржухин Н.В.
е-ц Кистанов Г.И.	кр-ец	Мазунов П.В.	мл.сержант	Морозов Я.И.
ант Кнурман М.Я.	кр-ец	Максимов П.И.	б/зв	Надымов И.А.
ант Кожевников А.П.	ст.сер-нт	Макушин П.А.	кр-ец	Наумов И.Ф.
е-ц Комяков М.П.	б/зв.	Малыгин Л.Д.	мл.лей-нт	Николаев С.И.
ан Кондратьев Н.Г.	кр-ец	Маннапов К.М.	кр-ец	Никулин А.Н.
е-ц Кочетов А.Я.	кр-ец	Марков И.Л.	политрук	Новиков П.А.
е-ц Красников Н.С.	кр-ец	Партушов Н.П.	б/зв	Новоселов Н.Я.

«Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим.

Память – преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» – это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих. Он сам, очевидно, не привык беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду, их заботам и поэтому думает, что и о нем все будет позабыто.

Совесть – это, в основном, память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести».

Дмитрий Сергеевич Лихачев

В жизни каждого человека постоянно происходят перемены, но есть ценности, которые носят неизменный характер, – это свобода, радость, самореализация, воспитание детей, уважение к старшему поколению... Но не менее важная ценность – это понимание того, каким образом эта свобода нам досталась, и передача этого понимания своим детям, друзьям, близким. Написать эту статью меня побудили мысли о том, какой вклад вносит наше муниципальное образование в передачу памяти о нашей истории, о наших героях

За последние несколько лет моего общения с нашим муниципальным образованием я посетил довольно много мероприятий, организованных муниципалитетом, в частности, экскурсий, но почему-то самыми запоминающимися стали экскурсии, связанные с блокадой Ленинграда. С уверенностью могу сказать, что в какой-то мере эти экскурсии, также как и акция «Бессмертный полк», проходящая в Коломьягах, повлияли на мое отношение к изучению этого периода нашей истории, истории моей семьи.

экскурсовод, но и смотреть на реакцию других людей, на слова, которые они слышат, смотреть туда, куда направлены их взгляды; очень часто приходится смотреть через объектив фотоаппарата. Регулярно я вижу, что выражения лиц моих соседей меняются, когда они слушают о том времени, о том, что когда-то испытывали люди, задают вопросы экскурсоводу.

Обычно на экскурсиях нам предоставляют свободное время, небольшой промежуток времени между окончанием рассказа экскурсовода

«**Когда я рос, поколение, которое пережило войну, блокаду, люди, которые были узниками фашистских концлагерей, не очень любили вспоминать и рассказывать о том времени, о том, что они перенесли. Но сейчас уже прошло достаточно времени, и эта боль утихла. Конечно, окончательно она уйти не может. Но моя бабушка на днях купила себе тетрадь и шариковую ручку и начала писать свои воспоминания.**»

Каждый раз, когда я сажусь в автобус со своей племянницей Дашей Камаловой (мы вместе участвуем в мероприятиях, организованных в рамках программы «Юный петербуржец»), я испытываю гордость за своих коломьяжских соседей, потому что вижу, что и они заинтересованы в том, чтобы их дети и внуки не только знали исторические факты о героических защитниках Ленинграда, но и увидели памятники нашим героям, почувствовали землю, по которой они сейчас бегают, на которой играют, стоят и слушают экскурсовода. Ведь это та же земля, что была в блокаду, но только в ней лежат те, кто отстоял наш мир, отстоял наш Ленинград, в ней лежат дети блокадного города. И вот здесь тоже протягивается ниточка, которая связывает наши поколения. В последние годы у меня появилась привычка не только слушать то, что говорит

и отправкой автобуса. На экскурсии в Кобону жители нашего округа подошли к стендам с именами водителей Дороги жизни, к стендам, на которых была описана история этой героической трассы, читали, обсуждали, а в это время дети прикасались к полуторке, поднятой со дна Ладожского озера. Кто-то стоял на берегу Ладоги и смотрел вдаль, туда, где проходила эта спасительная для многих тысяч ленинградцев ниточка. В военно-историческом музее «Кобона: Дорога жизни» все экскурсанты сидели в кузове этой полуторки, а им рассказывали о тех, кого в период блокады эвакуировали на таких машинах. В этом музее воссоздан школьный класс того времени, и ребята смогли почувствовать атмосферу тех далеких дней.

На экскурсиях ты узнаешь не только исторические факты, но и видишь своими глазами подтверждение слов

экскурсовода. Я имею в виду таблички на памятниках, следы от снарядов, как, например, в крепости Орешек, которая держала оборону с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года силами одного гарнизона, состоявшего из 350 бойцов. В крепости стоит монумент, на котором высечена клятва бойцов: **«Мы, бойцы крепости Орешек, клянемся защищать ее до последнего. Никто из нас при любых обстоятельствах не покинет ее. Увольняются с острова: на время – больные и раненые, навсегда – погибшие. Будем стоять здесь до конца.»** Эта крепость так и не была захвачена врагом. Разве можно передать словами то, к чему ты прикоснулся, то, что ты увидел своими глазами, прочитал не в книге или интернете, а именно в том месте, где проходила эта героическая оборона? Думаю, нельзя – разница чувств, которые мы испытываем в том и другом случае, велика. Велика по своей глубине, яркости этого момента, которое превращается в воспоминание. Детские воспоминания самые яркие в жизни человека, и, на мой взгляд, очень важно наполнять эти воспоминания такими рассказами, местами, фотографиями, памятниками, участием

в «Бессмертном полку». Именно эти эмоции и воспоминания в итоге формируют в нас память о войне, блокаде.

Или, например, экскурсия в город Кронштадт, где группа коломьяжцев посетила Кронштадтский Морской музей. Именно там я узнал о Малой дороге жизни, не менее героической, чем Дорога жизни «Осиновец – Кобона», хотя думается мне, что не я один услышал о ней в первый раз. Эта дорога проходила через Финский залив, по маршруту «Лисий Нос – Кронштадт – Ораниенбаум». Восьмого мая 2015 года в Лисьем Носу был торжественно открыт памятник «Дорога мужества», надпись на постаменте гласит: «Беспримерному подвигу Дороги мужества посвящается». Этот коридор действовал бесперебойно с осени 1941 года до конца января 1944 года. «С одной стороны, кажется, что мы о блокаде много знаем, вообще о блокаде, а куда ни ткни, оказывается, что блокада вся малоизвестная, и вот история вокруг Малой дороги жизни, которая началась в Лисьем Носу, – она яркое этому подтверждение, вроде бы как источники есть, но все это разрозненно, упоминание в разных местах, и нигде это не собрано вместе», – рассказывает журналист и историк Сергей Глезеров. Не долго

думая, после этой поездки в Кронштадт мы с моей племянницей сели на велосипеды и отправились из Коломняг в Лисий Нос.

Совсем недавно выяснилось, что мой прадед по материнской линии был награжден медалью «За оборону Ленинграда» указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.12.1942. Скорее всего, за участие в Синявинской наступательной операции, так как дата указа следует практически сразу после даты этой операции. Девятого мая 2016 года мой прадед Курицын Алексей Федорович был внесен в списки мемориала, который находится на Синявинских высотах. Когда мы ехали на автобусе в Кобону, наш экскурсовод рассказывал нам о Синявинских высотах и боях, которые там проходили. Вот именно в такие моменты человек, который знает историю своей семьи, особенно чувствует что-то непреодолимое, кроме гордости за своего предка, я бы сказал – глубинную связь с землей, с историей, с блокадой, потому что он уже в своей голове слышит, что говорят не только о боях на Синявинских высотах, но о его прадеде и его участии в них. Такие чувства всегда становятся импульсом для того, чтобы что-то узнать, делать, писать, передавать другим, вспоминать стихотворения о тех местах, о которых ты только что услышал на экскурсии. В сентябре 1943 года войска Ленинградского фронта заняли высоту около Синявино, 22 сентября того же года Ольга Берггольц напишет стихотворение «Мой друг пришел с Синявинских болот». Я приведу лишь его начало:

Мой друг пришел с Синявинских болот
на краткий отдых, сразу после схватки,
еще не смыв с лица горячий пот,
не считив грязь с пробитой плащ-палатки.

Пока в передней, тихий и усталый,
он плащ снимал и складывал пилотку, –
я, вместо «здравствуй», крикнула: – Полтава!
– А мы, – сказал он, – заняли высоту...

Можно ли переоценить или недооценить организацию этих экскурсий нашим муниципальным образованием? За всех коломяжцев на этот вопрос нельзя ответить, но многие жители, с которыми я общаюсь, благодарны за, то что в этих поездках они узнают что-то новое, связанное с нашей историей.

Когда я разговариваю со своей старшей племянницей о Дороге жизни, о крепости Орешек, она практически всегда отвечает: «Я там была, я помню, что нам говорил экскурсовод». Уверен, что во многих семьях происходит именно так.

В каждом временном пространстве, сообществе, практически в каждой семье есть люди, которые способствуют передаче памяти,

вкладывают в это свое время, силы: разрабатывают проекты, затем претворяют их в жизнь. Самого этого труда мы не видим, а видим лишь его конечный результат: волейбольный турнир, посвященный Дню Победы, экскурсии, «Бессмертный полк»... У этих людей есть понимание того, как это важно и необходимо.

В биографии моей бабушки, Белавинской Лидии Герасимовны, есть эпизоды, которые тоже отражают такую деятельность. Она работала в Строительном управлении (далее СУ) № 250 Ленинграда, которое находилось на 4-й Красноармейской улице, дом 9. По своей инициативе она постоянно ходила к начальнику планового отдела и добивалась того, чтобы в смету включались расходы на работу с молодежью. В эти расходы входила организация экскурсий по местам боевой славы, покупка цветов для возложения к мемориалам. Также она рассказывала о войне в красном уголке, организованном при общежитии. В 80-е годы в Ленинграде не хватало рабочих рук, и поэтому от предприятий создавались оргкомитеты, которые ездили по областям – Новгородской, Псковской – и набирали ребят, которые приходили после армии и не хотели оставаться на своей малой родине. Молодые люди переезжали в Ленин-

град, устраивались на работу в СУ, при которых были общежития, а также красные уголки. В одном из таких красных уголков моя бабушка рассказывала о войне. Это тоже был вклад в передачу памяти, поскольку каждый, находясь на своем месте, понимал и понимает, что может сделать в этой цепочке, внести свой вклад в общее дело.

Когда я рос, поколение, которое пережило войну, блокаду, люди, которые были узниками фашистских концлагерей, не очень любили вспоминать и рассказывать о том времени, о том, что они перенесли. Но сейчас уже прошло достаточно времени, и эта боль утихла. Конечно, окончательно она уйти не может. Но моя бабушка на днях купила себе тетрадь и шариковую ручку и начала писать свои воспоминания.

Центральный архив Министерства обороны ([ministerstvo-oborony.ru](https://archive.mil.ru/archival_service/central/requests.htm) или https://archive.mil.ru/archival_service/central/requests.htm) все чаще выкладывает на своих ресурсах оригиналы отсканированных документов (журналы боевых действий, военные карты, приказы), что дает возможность поиска своих родственников, отслеживания их боевого пути. И это тоже наша ниточка, с помощью которой мы можем искать, находить, узнавать, анализировать, писать на основании анализа этих документов.

Заканчивая эту статью, мне прежде всего хотелось бы поздравить жителей блокадного Ленинграда, защитников Ленинграда с этим радостным днем – Днем полного снятия блокады Ленинграда. Вы воспитали наших дедов, отцов, матерей, нас. Восстанавливали наш город после разрушений блокады, спасали памятники культуры. Мы живем благодаря вам, благодаря тем, кого уже нет с нами. Спасибо!

Также мне хотелось бы поблагодарить сотрудников нашего муниципального образования за бережное отношение к нашей истории, за передачу памяти того далекого, на первый взгляд, времени, за то, что жители Коломняг имеют возможность рассказать со страниц нашей газеты, книги «Бессмертный полк МО Коломняги» истории о своих героях. Для каждой семьи это важно. Так же важно, как и пройти со штендером, на котором размещен портрет твоего предка, сказав при этом:

«Я помню, я горжусь». Спасибо!

**С уважением
и благодарностью к ветеранам,
сотрудникам муниципального
образования Коломняги,
член Петербургского
библиотечного общества
Николай Белавинский**

ПОЛГОДА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ (детские воспоминания)

Известие о начале Великой Отечественной войны застало нас на даче, в Бернгардовке. Сразу все изменилось. Выполняя предписания властей, хозяйка стала заклеивать бумажными полосками крест-накрест оконные стекла и рыть траншею на своем участке. Вскормил на фронт хозяйский сын

А мы вернулись в город, на Малую Посадскую улицу (Петроградская сторона). Мне было четыре года и пять месяцев, и поэтому я очень мало понимала, что происходит. Мне еще не было знакомо такое понятие, как «война». (Была перед этим недолгая Финская война, но для меня она прошла незаметно). Я не имела представления ни о каком оружии. Красноармейцев, которые еще в мирное время нередко маршировали по улицам строем с винтовками за плечами, я называла «дяди с палками». Я не ведала слова «враг», а услышав, что на нас напали немцы, придала именно этому слову такое значение: «Они – нам немцы, а мы – им немцы?» – буквально так размышляла я, еще не успевшая узнать о разнообразии народов и о существовании иных стран (кроме сказочного «тридевятого царства, тридесятого государства»).

Представить себе те бедствия, которые принесит война, я была не в состоянии, но чувствовала, что война – это плохо: прервался летний отдых; возникли у взрослых новые, странные заботы; изменился облик города...

По улицам часто проносили огромные «колбасы» – так мы с бабушкой окрестили аэростаты воздушного заграждения. Поднятые в небо по принципу воздушных шаров, они реяли над городом, по возможности препятствуя налетам вражеской авиации. Позднее приходилось видеть поврежденные обстрелом и разоруженные бомбами здания.

Необходимо было затемнить на окнах – темно-синие шторы из плотной бумаги. Перед тем, как вечером зажечь свет – в первое время электрический, позднее свечи или «коптилки», – требовалось опустить эти шторы, чтобы летчики немецких бомбардировщиков не могли ориентироваться по городским огням.

Стекла окон стали заклеивать крест-накрест (двойным крестом – прямым и косым). Как позднее стало мне известно, это делалось затем, чтобы при взрывах и обстрелах стекла удерживались в рамках и осколками не ранило людей. Конечно, это не защитило бы от прямого попа-

дания, но мне такие опасения были чужды. Бояться артобстрелов и бомбежек я не научилась. Разумеется, это была не храбрость, а детское неведение. Вот если бы меня ранило осколком снаряда, если бы в моем присутствии кого-то убило или покалечило, если бы произошли разрушения на моих глазах, дело другое. Но от всех подобных впечатлений судьба меня берегла. А к грохоту взрывов, к пронзительному свисту летящего снаряда я просто привыкла.

А ведь однажды во двор нашего дома, куда выходили окна кухни, упала бомба – и не разорвалась. Разорвись она – не писала бы я сейчас этих строк.

Меня стали укладывать спать в ванной комнате – в сухой ванне поставили постель. Отчасти все с той же целью: уберечь меня от осколков стекла. Конечно, спать приходилось не раздеваясь. Но не раздеваясь тогда спали все: и чтобы в случае воздушной тревоги быстрее собраться в убежище, и, когда наступила зима, ради тепла. Отопление тогда почти везде было дровяное, но добывать, разделять и приносить в квартиру дрова становилось все труднее. А ведь и готовить пищу, если было из чего, и кипятить чайник тоже приходилось на дровяной плите.

Бомбы на город падали зажигательные и фугасные. Первые провоцировали пожары, вторые – взрывы. О налете бомбардировщиков предупреждала сирена – сигнал воздушной тревоги. Ее передавали уличные репродукторы. Должен был этот сигнал звучать и в квартирах, в которых радио круглые сутки оставляли включенным, но у нас не было радиоточки: до войны семья слушала передачи по радиоприемнику, а с началом войны полагалось все приемники куда-то сдать, потому что пользоваться ими дома в условиях войны запрещалось. Мне об этом рассказывала тетя много лет спустя, когда я выразила однажды удивление, что в книгах столько пишут о ленинградском радио в дни блокады, а мне ни одна передача не вспоминается. Наверное, подключиться к радиосети по-

сле утраты приемника по какой-то причине не смогли: то ли было всем не до того, то ли это было связано с какими-то сложностями.

Людям, которых тревога заставляла на улице, следовало немедленно искать укрытие – если до бомбоубежища было не добежать, то хотя бы в ближайшем подъезде. За этим следили постовые милиционеры, требуя от всех прохожих соблюдать эти правила и не рисковать понапрасну. Тем же, кто находился дома или на работе, предписывалось спуститься в ближайшее убежище, при этом они назывались то газоубежищем, то бомбоубежищем. Первое из названий объясняется тем, что предполагалось использование врагом химического оружия, газовые атаки, как в Первую мировую войну. Были ли это разные помещения или по-разному назывались одни и те же, так и не знаю. Но знаю, что газовых атак не было, поэтому в так называемых газоубежищах искали спасения именно от бомбежки. Там пережидали часы налета целыми семьями. Отбой воздушной тревоги тоже звучал по радио. Не уверена, что он был слышен в убежище, но, значит, было кому передать сидящим там, что пора выходить. Однако я хорошо помню этот

мажорный звук (после войны позывные «Пионерской зорьки» по радио и некоторые сигналы горнистов в летних пионерлагерях напоминали мне именно сигнал отбоя тревоги). И помню я, как слышала звук не только воздушной тревоги, но и отбоя за окнами квартиры. Выходит, что спуститься в укрытие успевали не всегда.

А были люди, которые вообще прекратили уходить из дома в убежище. Мне запомнился разговор взрослых о какой-то им знакомой семье, где было принято такое решение – то ли потому, что не осталось сил поспешно спускаться и потом подниматься, то ли из-за какой-то покорности судьбе. Мать и дети при сигнале воздушной тревоги ложились в постель, укрывались одним одеялом и так пережидали налет: «Погибать, так вместе».

В одном бомбоубежище («газоубежище», я даже беззаботно переименовала его в «газуаль») мне довелось (кажется, в декабре 1941 года) некоторое время со взрослыми пожить – может быть, неделю, точно, конечно, сказать не могу. Убежище было в подвалах Эрмитажа. Люди спали на деревянных топчанах, работал водопровод, канализация, горячую воду брали, видимо, из «титана» – кипятильника (это была, естественно, не моя забота). Не вспомнить, освещался ли «газуаль» электричеством, но освещение было.

Более десяти лет назад,¹ в 1999 году, Эрмитаж воссоздал обстановку одного из многочисленных отсеков и стал приводить туда экскурсии. Я знала, что это был не «наш» отсек (другой номер), но выглядел он так же, так что я очень живо представила там себя, почти пятилетнюю, и окружавшую меня обстановку, множество взрослых и детей.

Очень узнаваема эта обстановка и на рисунке, опубликованном в «Комсомольской правде» от 8 сентября 2009 г. вместе со страницами блокадного дневника (автор – архитектор Александр Никольский): сводчатый потолок, топчаны для сна.

...Бабушка забрала меня домой, когда я заболела там корью, – не мудрено при такой скученности и при отсутствии нормальной гигиены подхватить инфекцию. Я только теперь понимаю, и то не до конца, каково было бабушке выхаживать в голодном и промерзшем городе больного ребенка (после кори у меня был еще и коклюш).

Но пора сказать и о самой главной беде блокадного города. Во время войны продукты продавались по карточкам во всей стране, но нормы «выдачи» не были одинаковыми. В Ленинграде после того, как замкнулось кольцо блокады, нормы все уменьшались и уменьшались. Сначала проедали довоенные запасы. Помню, как

осенью мне дали чашку какао – без сахара, но с кусочком масла. И это противоестественное сочетание продуктов не вызвало отвращения – голод уже давал себя знать. Но такая роскошь долго длиться не могла.

Когда в середине октября тетя принесла из роддома своего сына, мне было сказано, что сладкую водичку получать я не буду: «Это только Алику. Ты уже большая». Как ни удивительно, но такое предупреждение меня не огорчило, а даже вызвало чувство гордости: я уже большая! Увы, эта маленькая «жертва» ребенка спасти не могла: прожил он всего 12 недель, так и не успев осознать свое существование в этом мире. Голодала его мать, и ее грудного молока ему не хватало, а восполнить нехватку было нечем. Вся его коротенькая жизнь пришлось на самые трудные, самые голодные ленинградские дни. Однажды (потом я узнала точную дату: 4 января 1942 года) утром или в полдень мне сказали: «Тише! Алик умирает!». К этому времени я уже имела некоторое представление о смерти как о прекращении жизни, как о наступлении полной неподвижности, безмолвия и бесчувствия (правда, в блокадные дни я оставалась в убеждении, что единственной причиной смерти может быть только голод, и в воображении моем возникали всевозможные кушанья, которые должны быть немедленно доставлены умирающему человеку, и тогда он спасен)... Теперь я увидела смерть воочию. Умирающий мальчик дышал все труднее, все реже, все тише и вскоре затих навсегда. Все потрясенно молчали, и только старшая сестра нашей бабушки шептала, обливаясь слезами: «Голубчик... голубчик...». Обмывали его в той самой ванночке, в которой всегда купали.

У нас его не готовили, но я вспоминала довоенный студень и решила, что из клея делали его всегда. На самом деле клей варили из костей животных, вот почему некоторые ленинградцы в блокаду могли использовать его в пищу в виде студня.

Был хлеб, все меньше и меньше, только черный и, как я потом узнала, с примесью. Порой вечерами мы собирались возле «буржуйки» – четырехугольной переносной железной печурки на ножках, труба которой выводилась в дымоход стационарной печи. «Буржуйки», как и само это народное название, были в ходу задолго до моего рождения, в Гражданскую войну. Но в мирное время я не подозревала об их существовании. Они использовались именно в таких экстремальных условиях, позволяя экономить топливо (но были и пожароопаснее). Мы грелись и поджаривали, точнее, подпекали (жарить было бы не на чем) кусочки хлеба, читали вслух – порою перед тем, как распрощаться с прочитанным, используя книгу в качестве топлива, о чем грустно вспоминать, но... жечь книги было суровой необходимостью не только в нашем доме.

Среди перечитанного в такой обстановке были и сказки, и рассказы или повести для взрослых, и мифы Древней Греции... Когда читали миф о царе Мидасе в одном из переложений для детей, мне больше всего запомнились перечисление всевозможных яств (а не то, что они превращались в золото!) и зависть к дочери этого царя, которую отец накормил молоком и черным хлебом.

Помню и такие продукты: черные (из ржаной муки) макароны; сухую картошку (засушенную ломтиками); «хряпу» – наружные листья капусты, кото-

« С тех времен у меня сохранилась привычка выбрасывать остатки еды. Утверждать, что это всегда удается, было бы ложью. Но всякий раз, когда приходится выбрасывать что-то не съеденное вовремя и потому испортившееся, я, «блокадная девочка», чувствую себя преступницей. И дело тут не в убытке, а в сознании греха. »

Я привыкла, что на дно ванночки при купании обычно подкладывали стеганую подстилку, и теперь простодушно спросила: «А матрасик?» – «Теперь ему уже не до матрасика», – вздохнула бабушка. Меня поразили тоненькие и совершенно прямые ручки и ножки: ведь у голышного малыша я видела их только в согнутом положении. Ребенок был уложен в футляр из-под альта, и я потом очень долго считала, что такую форму имеет всякий гроб, отличаясь от других лишь размером.

Среди поэтических произведений о блокаде Ленинграда есть поэма Веры Инбер «Пулковский меридиан», а в ней такие строки:

...детский гробик, махонький такой,
Не более скрипичного футляра.
Под выстрелами, в снеговую муть,
На саночках он совершал свой путь.

Сейчас² Алику (Алексею Мартенсу) было бы 70 лет... В нашей семье не было фронтовиков, но жертвами войны, блокадного голода, стали три человека: вторым после моего двоюродного братика стал его отец. Он не доехал до места эвакуации и умер в пути от алиментарной дистрофии. Двоюродная бабушка умерла уже по прибытии на место.

Как же питались в условиях блокады взрослые и такая «большая девочка», какой была я? «Шроты» (звучит похоже на «шпроты», но о существовании этих последних я узнала лишь после войны) – нечто безвкусное, серо-желтое, как песок, в прямоугольной форме – из отрубей или жмыха. «Дуранда» – такой же искусственный продукт. Слышала я и разговоры о том, что «студень делается из клея».

рые в обычное время выбрасываются. Из этого варили супы, и обед выглядел так: на первое жидкость, на второе – гуща (макароны или «хряпа», если это щи). Все съеденное казалось необыкновенно вкусным! А крошкам хлеба не давали пропасть ни единой: все собирали в ладошку и съедали.

С тех времен у меня сохранилась привычка избегать выбрасывания остатков еды. Утверждать, что это всегда удается, было бы ложью. Но всякий раз, когда приходится выбрасывать что-то не съеденное вовремя и потому испортившееся, я, «блокадная девочка», чувствую себя преступницей. И дело тут не в убытке, а в сознании греха.

Магазины были только государственные, и хлеб, крупы, «жиры» – все, что было возможно, продавали по карточкам, отрезая талоны. По карточкам кормили и в столовых, откуда можно было принести что-то домой. Взрослые вспоминали как большую удачу, что некоторое время дрожжевой суп отпускали без карточек.

Бывала возможность иногда купить съестное без карточек, только за деньги, у частных лиц на рынках. (Наверное, и упомянутые выше дуранду и шроты добывали тоже на рынке). Предполагаю, что это отсутствие нормы обходилось гораздо дороже в денежном выражении. Кроме того, была опасность нарваться на бессовестный обман: однажды моей бабушке под видом пшенной крупы продали в бумажном кульке древесные опилки, только сверху присыпанные пшеном...

Нередко вместо продажи прибегали к обмену: продукты питания приобретали не за деньги, а за вещи. Такое во время войны практиковалось

не только внутри блокадного кольца, но и по всей стране. Я не помню, что и как во время блокады или в эвакуации бабушка обменивала и на что. Но расскажу в связи с этим историю, не имевшую отношения к нашей семье, услышанную вскоре после войны, когда я была школьницей.

В поселке Коломяги мне показывали дом недалеко от Удельного парка: деревянный двухэтажный дом, обнесенный высоким глухим забором. С хозяевами этого дома не желал злиться никто из окружающих. Говорили, что дом был приобретен во время блокады за одну или две буханки хлеба. Мне не пришло в голову поинтересоваться, откуда зылись покупатели и что стало потом с прежними обитателями дома. Но поразила до глубины души сама ситуация: чтобы избежать голодной смерти (а может быть, только отсрочить ее на не очень долгое время), люди оставили себя без крыши над головой! А у покупателей в такое время оказались, выходит, излишки хлеба (откуда?!), так что они смогли и дом приобрести, и выжить! Законом такая сделка, по-видимому, не была запрещена. Если бы запрет был, то нарушителям его не поздоровилось бы (а скрыть такой обмен невозможно): в СССР и в мирные дни законы были достаточно суровы, что уж говорить об условиях военного времени! Но поступок, неподсудный по закону, вызвал беспощадное осуждение со стороны общественного мнения. От новых хозяев дома отвернулись все, как от зачумленных, Их, нажившихся на чужой беде, дружно бойкотировали. А в их семье были маленькие дети. Очень хочется надеяться, что к тому времени, когда они выросли, их не коснулась эта моральная изоляция, они-то ни в чем не были виноваты...

Но возвращусь к повествованию о том, что происходило при мне и со мной.

Помню, как при давно уже не работавшем водопроводе зимой приносили домой полный чайник снега, давали ему растаять на огне, а затем кипятили. Для освещения приспособляли огарки использованных свечей: бабушка и ее сестра растапливали их и потом лепили новые, сделать фитиль труда не представляло. Запомнились эти самодельные свечи – пестрые (в составе их были свечи разной окраски, использовались и церковные свечи), кривые. Но свою функцию они выполняли. «Коптилку» же нетрудно себе представить (после войны о ней напоминали спиртовки в химическом кабинете): стеклянный плоский сосуд, в нем горючая жидкость (керосин?), в которой плавают фитили. Не уверена, что работали керосиновые лампы и что было бы возможно раздобыть для них керосин в нужном количестве.

Эвакуировались мы с бабушкой в середине марта 1942 года. На Финляндский вокзал она везла меня на санках по Сампсониевскому мосту (тогда его называли мостом

Свободы) через Большую Невку. Я впервые видела этот вокзал не летом. Затем – поезд, далее – крытая машина, которая нас везла через Ладожское озеро (водитель не стал предупреждать пассажиров, когда въехали на лед, чтобы не волновались, и лишь при въезде на другой берег сообщил, что озеро позади; я же и вовсе не знала, что предстоит ехать по льду). Одно из первых впечатлений за пределами блокадного кольца: нас накормили вермишелью (белой!) с кусочками сардельки...

Уже будучи взрослой, я читала в книгах о том, как голодали в годы войны жители северных деревень. Авторы этих книг не лгут. Но все познается в сравнении. Лето 1942 года в деревне Борисово Кубенского района Вологодской области я не вспоминаю как голодное. Не было разнообразия в еде, но постоянно – молоко от хозяйской козы, а однажды на колхозной ферме угостили вкуснейшим коровьим молоком...

С конца 1942 года до возвращения в ставший доступным Ленинград в апреле 1944 года мы жили в Боровичах (тогда Ленинградской, нынче – Новгородской области). Приехав туда в 1985 году взглянуть на приютившие нас места, я поняла из разговоров местных жителей, что они считают военные годы в своем городе голодными. Они, но только не ленинградцы, которым повезло попасть в Боровичи, вырвавшись из блокадного кольца. Моя приятельница, семья которой выехала из блокадного Ленинграда позже, чем мы с бабушкой, но попала в Боровичи раньше нас (и отъезд их, и приезд пришлось на лето 1942 года), рассказывала через много лет, как удивило ее, что в Боровичах растет столько лебеды, а ее никто не ест! (Она еще успела застать блокадную позднюю весну и использование в пищу всевозможной зелени, в том числе и лебеды, не говоря уж о молодой крапиве, от которой любители зеленых щей и в мирное время не отказались бы).

В этом очерке я постаралась написать о пережитом именно мною, передать и объяснить собственные впечатления. Разумеется, это не могло быть полным и исчерпывающим рассказом о блокаде Ленинграда. Длилась она не полгода, а почти два с половиной – целых 900 дней. Да и мои полгода впечатляют лишь мой детский опыт. Только в сочетании с воспоминаниями других жителей блокадного Ленинграда – и детей, и, конечно, взрослых, – с газетными материалами той поры и с трудами историков можно составить всестороннее представление о том, что в нашем городе происходило тогда.

Татьяна Григорьевна Авлова

¹Текст написан в 2011 году.

² В 2011 году.

***

Первая блокадная зима 1941–1942 годов оказалась аномально холодной, морозы ударили уже в начале ноября. Движение кораблей Ладожской флотилии прекратилось, прибрежную полосу озера стало сковывать льдом, к тому же курсированию судов мешал шторм. Связь с Большой землей прервалась. Оставалось ждать, когда лед достигнет достаточной толщины и крепости. Между тем положение осажденного города становилось все более тяжелым, нормы выдачи продуктов сократились до минимума.

Ледовая разведка велась непрерывно, собирались данные о толщине льда, характере спусков на озеро и другие сведения. Ладога в это время года особенно опасна, встречались разводья и полыньи, затянутые очень тонким льдом. По словам старожилов, местных рыбаков, наиболее надежным путем через Ладогу является маршрут от мыса Осиновец вдоль берега на банку Астречье и дальше чуть севернее островов Зеленцы. Здесь ледовый путь пересекает фарватер в относительно неглубоком месте и лед взламывается только при сильном ветре.

15 ноября была сформирована первая экспедиция по прокладке ледовой трассы, в ее состав вошли опытные гидрографы, хорошо знавшие Ладожское озеро. Около полуночи группа вышла на лед из Осиновца. В лицо дул северо-восточный ветер, мороз доходил до 15 градусов. Шли на лыжах, за собой тащили сани с навигационным оборудованием и вехами.

Двигались очень медленно и осторожно, то и дело останавливались, измеряли толщину льда и обозначали вехами будущую трассу. Порой удержаться на гладком льду, едва запорошенном снегом, оказывалось трудно. Люди падали, цепляясь за лед, вставали и снова падали. Один из гидрографов, зацепившись в темноте за торос, сильно повредил ногу и дальше идти не мог, пришлось отправить его с сопровождающим назад в Осиновец.

Время от времени делали небольшие остановки на отдых, прикрываясь брезентом от сильного ветра. Пока лед был крепким, шли друг от друга на расстоянии 10–15 шагов. Но, когда толщина льда сократилась до нескольких сантиметров, пришлось обвязаться прочным пеньковым тросом и буквально ползти по снегу. Только через двое суток разведчики достигли восточного берега возле Кобоны и доложили о выполнении задания.

***

17 ноября командира 64-го дорожно-эксплуатационного полка майора А. Мажаева вызвали в Смольный телефонграммой. Разговор в Военном совете был непродолжительным и тяжелым. После доклада об обстановке последовал приказ немедленно проложить по льду трассу к Кобоне, где находились запасы продовольствия. И в завершение: «За выполнение ответишь лично!».

В расстроенных чувствах Мажаев вернулся в свою землянку, находившуюся в прибрежном леске на берегу Ладоги, недалеко от деревни Коккореве. «Можно ли сейчас перейти озеро?» – спрашивал он старых рыбаков из ближайших деревень. Те только качали седыми головами: они не могли припомнить случая, когда бы санный путь установился в ноябре. Лед еще очень тонкий, чуть отойдешь от берега, а он уже трещит.

18 ноября под утро в штаб полка поступило немногословное донесение. Разведывательный отряд гидрографов сумел отыскать дорогу и достиг Кобоны глубокой ночью, не потеряв убитыми ни одного человека. У всех, кто в это время находился в штабе, вырвался невольный вздох облегчения.

Решение пришло мгновенно, Мажаев отдал распоряжение немедленно седлать коня. Он не мог и не хотел больше ждать ни минуты и решил лично проверить надежность ледяного покрова по всей трассе, пройденной разведчиками. Если лед сможет выдержать коня с всадником, то по ледовой дороге сумеет пройти и конная упряжка.

Едва начало светать, когда Мажаев выехал в путь. Над озером низко повисли серые облака. Верный конь с непривычки скользил подковами по гладкой, как стекло, поверхности озера, испуганно фыркая, кося глазом на всадника. Комбат напряженно вглядывался вдаль, стараясь объезжать промоины, над которыми клубились столбы пара.

Вокруг расстилалась бесконечная снежная пустыня. И посреди этого безмолвия, как странное видение –

она. Она держала путь на восточный берег, в Кобону. В тот же день отряд из семи полуторок отправился в обратный путь. В кузове каждой из машин по три-четыре мешка с мукой, больше пока не брали. Неокрепший лед прогибался под колесами от тяжести. Водители стояли на подножках, чтобы в случае, если машина провалится, успеть выпрыгнуть.

Провалившись машины старались вытаскивать, но спасали не только машины, но и груз. Отсыревшие мешки с мукой везли на продовольственные склады Ленинграда, один из которых находился к северу от Коломяз (там, где сегодня высится громада элеватора). Там муку высушивали, а затем использовали для выпечки хлеба.

К 1 декабря 1941 года гужевой и автомобильный транспорт доставил в Ленинград первые 800 тонн муки, а к 1 января 1942 года по ледовой Дороге жизни было доставлено уже 16,5 тысяч тонн грузов. Машины шли через Ладогу сплошным потоком.

От западного до восточного берега Шлиссельбургской губы всего тридцать километров, однако на Ладоге свои правила. Хрупкий ледяной

***

Какова же судьба главного героя нашего очерка?

Алексей Сергеевич Мажаев родился в 1909 году в деревне Верхнее Заглухино Ивановского района Тульской области. В Красной Армии служил с 1930 года. В 1938 году получил первую награду – орден Красного Знамени.

2 марта 1942 года Военный совет Ленинградского фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями группу наиболее отличившихся работников ледовой дороги, в том числе А. С. Мажаева – орденом Красной Звезды. В наградном листе особо отмечалось, что в период прокладки дороги и продвижения первых эшелонов по ней Мажаев безотлучно по нескольку суток находился на льду, сопровождая колонны транспорта. 14, 15 и 17 декабря, когда велась обстрел и бомбардировка дороги врагом и на трассу впервые было сброшено около 100 авиабомб, майор лично руководил регулировщиками и шоферами, рассредоточивая колонны машин, чем значительно уменьшил число потерь. В феврале 1942 года, когда потребовалась переброска танков КВ, учил и консультировал танкистов, как лучше перебросить их и в каких местах озера.

22 декабря 1942 года начальник отдела автодорожной службы майор А. С. Мажаев был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а 31 августа 1944 года – орденом Отечественной войны II степени.

Война уходила все дальше на запад. С мая 1944 года подполковник Мажаев (так теперь пишется его фамилия в донесениях и наградных листах) занимает должность начальника дорожного отдела 5-й ударной армии. Во время наступления в долине реки Вислы руководил строительством и восстановлением разрушенных противником при отступлении переправ, оборудованием дорог указательными знаками, созданием постов регулирования, участвовал в взятии Берлина, восстанавливал мосты на реках Одере и Шпрее. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красного Знамени.

***

Сразу после окончания Великой Отечественной войны стали открываться народные музеи в Коккореве, на станции Ладожское озеро, в Ваганове. А в 1972 году на берегу Ладоги, вблизи Осиновецкого маяка, где в годы войны проходили водные и ледовые пути, связывавшие Ленинград с Большой землей, заработал специальный музей, посвященный истории Дороги жизни, филиал Центрального военно-морского музея.

Двумя годами раньше, 9 октября 1966 года, на Вагановском спуске, откуда колонны автомашин брали курс на восточный берег Ладоги, был установлен монумент «Разорванное кольцо». Две железобетонные арки символизируют кольцо блокады, разрыв между ними – Дорогу жизни, на площадке под арками в бетоне – следы протектора машин.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АНДРЕЙ ЖДАНОВ

ОДИНОКИЙ ВСАДНИК ЛАДОГИ

В эти дни мы отмечаем 75-летие со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. О Дороге жизни очень много написано, но всё ли мы знаем о тех героических днях?

одиноким всадником, скачущим в пред-рассветной мгле по белой равнине.

Опытный взгляд отыскивал среди сугробов вехи, поставленные гидрографами. Мажаев рассчитывал еще до полудня попасть в Кобону и нетерпеливо погонял своего коня.

И вот наконец впереди показалась узкая сероватая полоска берега. Земля! Чтобы пересечь озеро, понадобилось около четырех часов.

***

Появление в Кобоне майора Мажаева стало радостной неожиданностью для всех. Ведь только несколько часов назад из осажденного города на восточный берег Шлиссельбургской губы с огромными трудностями по льду пробилась разведывательная группа гидрографов.

В тот же день в Кобону с западного берега пришел пеший отряд 88-го отдельного мостостроительного батальона под командованием воентехника 2-го ранга Л. Н. Соколова, вышедший в путь утром 17 ноября.

С появлением Мажаева рассеялись последние сомнения, стало ясно: надо немедленно снаряжать конные обозы с хлебом для ленинградцев. На прибрежных складах лежали тысячи тонн муки, крупы, жиров, консервов, которые так ждали в голодающем городе.

До позднего вечера шла подготовка продовольственных гужевых батальонов. Ранним утром 19 ноября первый конный обоз с хлебом отправился из деревни Кобона на западный берег. Дорога жизни начала работу!

А вечером 22 ноября 1941 года по все еще полностью не окрепшему льду Ладожского озера из Ваганова вышла колонна автомобилей 389-го отдельного автотранспортного баталь-

покрыв не выдерживал длительной нагрузки, к тому же трасса находилась всего в 12–15 км от немецких позиций, фашистские самолеты бомбили колонны с воздуха. Снаряды оставляли во льду огромные полыньи и трещины, поэтому за время существования дороги было проложено 1770 км ледяных трасс.

Обслуживанием Дороги жизни, или, как она называлась официально, военном-автомобильной дороги № 101 занималось почти 19 тысяч человек, из них на ледовом участке – 8400. Они провешивали и прокладывали новые трассы, круглые сутки расчищали дороги от снега, свою боевую вахту несли регулировщики. Ледовый участок дороги непосредственно обслуживал 64-й дорожно-эксплуатационный полк (с 26 февраля 1942 года ставший 64-м отдельным дорожно-эксплуатационным батальоном) под командованием майора А. С. Мажаева. Шоферы называли его уважительно хозяином дороги.

Наступала первая военная весна. Движение по таявшему льду, покрытому слоем воды, прекратили 21 апреля 1942 года. Всего же за первую блокадную зиму, несмотря на постоянные обстрелы и удары авиации фашистов, по Дороге жизни в Ленинград и обратно проследовало более 300 тысяч автомобилей, 19 тысяч подвод, 500 тракторов и танков. Городу и фронту была доставлена 361 тысяча тонн грузов, преимущественно продовольственных, что позволило спасти жизнь многим ленинградцам и отстоять город. Из осажденного Ленинграда на Большую землю по ледовой дороге удалось эвакуировать свыше 550 тысяч детей, женщин, раненых и больных.